

«ШТЕРН», ГАМБУРГ.

— **ГОСПОДИН Брандауэр**, ваш новый фильм поставлен по новелле Томаса Манна «Марио и волшебник». Как вам пришла идея экранизировать этот рассказ, написанный в 1930 году?

— В седьмом классе гимназии я писал сочинение на тему «Марио и волшебник». После этого я ни разу не читал эту историю. В 1988 году продюсер Юрген Хаазе спросил меня, не хочу ли я взять на себя режиссуру экранизации. Как сейчас помню: сижу в гостинице «Атлантик» в Гамбурге и читаю моей жене Карин (она умерла в 1992 году в возрасте 49 лет от рака) новеллу Томаса Манна. Это заняло 1 час и 15 минут. Тот вечер, проведенный за чтением, был просто

демократ, которого нацисты посадили в концлагерь?

— Может быть. Но и продюсеры завалили меня материалом на эту тему. Кстате, хочу сразу сказать: я не претендую на разработку нацистской темы в «Марио и волшебнике». Все взаимосвязи, показанные в этом фильме, так или иначе уже были где-то показаны. Если вы не Курасава и не Феллини, вы просто обречены на повторы в том или ином варианте.

— Перед началом съемок вы заявили: «Я позволю себе не играть в этом фильме». Что заставило вас изменить свое мнение?

— Я намеревался не играть в этом фильме ни при каких обстоятельствах. Я собирался сознательно нарушить общепринятое представление: «Брандауэр снимает только фильмы, в которых играет сам и может позволить себе все». Но исполнитель роли

За рубежом — 1995. — 7-13 апр. — с. 14-15
Клаус Мария Брандауэр:

«Съемки — это битва»

прекрасен, после разговора с Карин я решил сделать фильм.

— В том автобиографическом рассказе речь идет об одном немецком писателе, который в конце 20-х годов вместе с семьей проводит свой отпуск в Италии, где господствует Муссолини. Там он сталкивается с национализмом и враждебным отношением к иностранцам. Воплощением этих роковых настроений становится маг и гипнотизер Киолла, на своих сеансах тот лишает воли своих слушателей. Что заинтересовало вас в этой истории?

— Вначале я знал только одно: я не хочу снимать исторический репортаж о фашистской Италии 20-х годов. И стал искать аналогии с нашим временем. Это было не очень трудно, ведь конца попыткам массового внушения и совращения народа не предвидится. Я был уверен, что у меня достаточно материала для полнометражного фильма.

— Вы играете роль мага Киоллы. Этот образ считается завуалированным портретом фашистских вождей вроде Муссолини или Гитлера.

— Томас Манн говорил, что «Марио и волшебник» не имеет ничего общего с политикой и задуман как рассказ на общечеловеческую тему.

— У Манна Киолла в конце концов умирает, а у вас — выживает.

— Если Киолла — синоним фашизма и массового психоза, тогда он не может умереть, так как эти феномены, как известно, продолжают существовать.

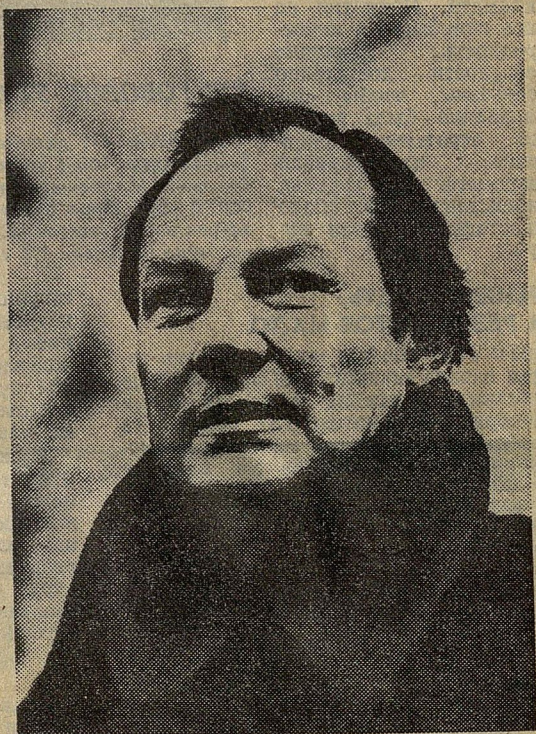
— Немецкий писатель — в вашем фильме его зовут Бернхард Фурман — медлит с отъездом, хотя сторонники Муссолини уже не раз унижали его.

— В моем понимании Фурман олицетворяет собой тот тип интеллигента, который не решается выступить, когда ситуация накаляется. Многие интеллигенты полагают, что их профессия второстепенна. Но это — неверный посыл. Интеллигент не может, словно некий верховный Будда, стоять вне общества. Тот, кому дано предугадать веяния времени, обязан в момент познания сказать, что надо изменить. Чем больше знаст тот или иной человек, тем выше его ответственность, тем сильнее его обязанность выступить со своим мнением.

— У Томаса Манна наблюдались черты гомозотичного неврастеника, от этого страдала вся семья, его сын Клаус покончил жизнь самоубийством. Почему вы не отразили это в своем фильме?

— Я, естественно, занимался биографией Манна. Мне он представляется как человек, разрегламентировавший свою жизнь вроде индийского факира. Эти жесткие ограничения наводят меня на мысль, что он боялся высвободить некие силы, которые чувствовал в себе. Он предпочитал писать, чтобы снять с души какой-то камень.

— Фильмы «Георг Эльзер», «Хансуссен», «Мефистофель» и «Марио и волшебник» говорят о том, что вы как бы «застолбили» тему фашизма. Не виноват ли в этом ваш дед, социал-

Клаус Мария Брандауэр.

Киоллы отказался сниматься, и мне пришлось рассчитывать только на самого себя.

— Быть одновременно режиссером и исполнителем — это хорошо или плохо?

— Режиссер Брандауэр знает уловки и лень актера Брандауэра, как никто другой. К тому же, будучи актером, я всегда чувствовал себя сорежиссером. Я не могу вот так просто согласиться с соображениями других людей.

— После «Георга Эльзера» фильм «Марио и волшебник» стал вторым вашим выступлением в роли режиссера. Вы понимаете слова Томаса Манна, который написал в 1948 году: «Тот, кто полагается на фильм, полагается на милость сатаны»?

— Просто восхитительно: тот же Томас Манн писал в 1931 году своему издателю Готфриду Берману Фишеру, что требует не меньше 10 000 долларов за право экранизации «Марио и волшебника». Этим все сказано.

— Вы стали кинорежиссером, чтобы перехватить большие деньги?

— Чепуха.

— Вам разрешили истратить 22 миллиона марок.

— Удивительно, как мало сплоченности у деятелей кино. Вчера я слышал, как назвали еще одну сумму, в которую якобы обошелся наш фильм. Одни хотят бросить тень на фильм, называя крупную сумму, другие — низкую.

— В предназначенных для прессы материалах о вашем фильме говорится, что вы «несколько месяцев колесили по Италии» в поисках двух самодельных артистов. Это кажется непомерной роскошью.

— Надеюсь, вы не считаете, что фильм, который идет два часа, и снимается за два часа, как полагает мой дядя Ганс Фишер. Мы проехали от Хорватии до Сицилии, потому что для съемок нам нужно было свыше 30 площадок. В фильме нет ни одного статиста, которого бы я предварительно не просмотрел.

— Вы — человек дела?

— Мне нравится быть таким главарем банды. Сначала у вас небольшая группа, а потом где-нибудь в окрестностях Палермо вдруг появляется целая армия из 26 голубых машин

с маркой киностудии «Арри Мюнхен». Чувство сопричастности доставляет мне огромное удовольствие в этой игре под названием «кино».

— Ваши сотрудники говорят, что на съемках вы частенько не спите всю ночь.

— Признаюсь, что я не очень люблю спать, мне все время кажется, что я что-нибудь просплю.

— Французский режиссер Франсуа Трюффо сказал: «Кино — это когда ты делаешь что-то прекрасное с прекрасными женщинами». Может, именно этим и объясняется ваш недосып?

— Каждому когда-то надоедает все время говорить разумные и верные вещи о своей работе. Тогда появляются вот такие фразы. Иногда они вызывают всеобщее восхищение и 100 лет повторяются в разных книгах. Надеюсь, что и мне повезло придумать что-нибудь этакое.

— Федерико Феллини как-то сказал: «Когда я снимаю фильм, я опускаю необыкновенный привил моих мужских сил. И получаю тогда большее удовольствие, переспав с женщиной».

— Вот тебе и раз. Как съемочные работы могут возбудить половую активность, если вы в течение нескольких месяцев должны быть доступны для других в любое время дня и ночи? Киносъемки — это битва. Вам почти ежеминутно приходится принимать решения, даже если вы в чем-то не уверены. Идеологическое прикрытие для своих решений вы придумываете потом. Единственное по-настоящему большое эротическое наслаждение на съемках вы получаете от того, что сами можете определить свое положение как режиссера и решить, кем вы будете: Нероном, Господом Богом или первым среди равных.

— Один из ваших сотрудников утверждал: «На стадии планирования Брандауэра охватывает эйфория, на съемках — неуверенность, а после окончания съемок — отчаяние».

— Это очень симпатично, когда все время говоришь о собственной неуверенности, но и очень скучно. Я не обижаясь на тех, кто говорит о моей неуверенности.

— Это правда, что во время съемок на Сицилии мафия шантажировала вас, требуя денег?

— Главная заповедь для гостей — уважать привычки хозяев.

— Говорят, что вы необычайно тщеславны. Тем не менее вы снимались в «Марио и волшебнике» без грима.

— Кроме маски Мефистофеля я никогда не пользовался гримом в кино. В фильме о Джеймсе Бонде «Никогда не говори «никогда» на мне в течение всего фильма были даже мои собственные черные брюки и моя майка. Мне нравится все незагримированное, натуральное. На мне виден пот, признаки старения, красные точки на коже, отеки щеки.

— Вас считают большим эгоистом, ярко выраженной властностью. Может быть, именно поэтому вы в последнее время больше занимаетесь кино, чем театром?

— В моем паспорте в графе профессия с 1963 года значится «актер». И так будет всегда. Когда я снимаюсь в кино, это не мешает мне одновременно выступать и в театре. На съемках фильма «По ту сторону Африки» я по пятницам сидел в Найроби в самолет, а в субботу и воскресенье играл Гамлета в венском театре «Бургтеатер». И в понедельник снова возвращался в Найроби. Я прилетал из Найроби или Лос-Анджелеса на восемьдесят из ста спектаклей «Гамлета». Мне это доставляло огромное удовольствие. Но у кинорежиссера такие вещи исключаются. Если кому-то в конце недели захочется что-то спросить у режиссера, а ему скажут: «Извините, но Клаус выступает сегодня в театре в Вене» — нет, это не годится.

— Но от тысячи ваших выступлений в театре останутся только критические статьи да программки?

— Да, это так: театральные актер пишет по воде. Появляется несколько волн, и все. И это не удовлетворяет. Возможно, позднее я буду сожалеть,

что так много времени истратил на театр. Сейчас я так не думаю.

— После смерти жены вы трижды выезжали в район боевых действий под Сараево и возили туда медикаменты. Некоторые друзья расценили это как попытку самоубийства.

— Не сердитесь на меня, но есть вещи, которые кажутся мне сугубо личными. Карин и мне удалось защи-

Кадр из фильма «Марио и волшебник».

тить нашу жизнь, наши частные отношения от взоров общественности, и сейчас у меня есть дела, которые я без лишней скромности могу назвать моими личными делами.

— Что вы чувствовали, прочитав после смерти жены заголовки типа: «Мировая звезда» говорит со своей мертвой женой» или «Брандауэр не вынесет смерти своей жены»?

— На этот вопрос я вам не отвечу. Печаль, вызванная смертью Карин,

принадлежит мне и останется со мной. Другие волны высказывать любые предположения. Я считаю это бестактным, но есть люди, которые только и ждут возможности, чтобы высказать свои соображения. Я это не люблю. Прощу понять меня правильно.

— Вот уже лет десять ходят слухи, что вы мечтаете стать директором венского театра «Бургтеатер». Недавно цитировали одно ваше высказывание: «Я хотел стать директором театра, чтобы доказать Карин, что могу трудиться в поте лица каждый день. Теперь у меня такого желания нет».

— В своей жизни и в своей работе я делал немало вещей только для того, чтобы порадовать Карин. Остановимся на этом.

— Любой, кто хотел бы сфотографировать вас в эти дни, должен подписать заявление, что фотографии будут использованы только в связи с вашим новым фильмом. В случае нарушения этого соглашения виновнику грозит штраф в 250 000 марок. Что это значит?

— Не хочу, чтобы на рынке гуляли мои фотографии для раздела светской хроники. Я никогда этого не хотел, а теперь защищаюсь от этого с помощью адвоката.

— За последние три года вы не дали ни одного интервью.

— И чувствовал себя прекрасно, сознавая, что не даю повода для сплетен. Я не очень-то радуюсь, когда где-то что-то обо мне печатают. Когда я был молодым актером, мне, естественно, было приятно, особенно когда в газетах появлялись мои фотографии. Но сейчас я и от них особого удовольствия не получаю. Беседуя теперь с журналистами, особенно о моем новом фильме, я говорю о вещах, которые мне приятны. Потом снова исчезаю со сцены. Да я и не знаю, о чем еще можно будет говорить. Как это ни ужасно, но новые мысли приходят не так часто, даже если у тебя за плечами долгая жизнь.

— В прошлом году вам исполнилось 50 лет.

— Я решил, что не буду делать проблему из старости.

— Как вы представляете себе Брандауэра в старости?

— Я сижу с друзьями в моей излюбленной пивной в моем родном городе и рассказываю: «А потом, ребята, я снялся в голливудском фильме о Джеймсе Бонде». Это звучит неплохо даже из уст беззубого старика.